

Аскольдова могила

Повесть времен Владимира Первого

Источник: М. Н. Загоскин. Аскольдова могила. Романы, повести. М.: Современник, 1989

Оригинал здесь: [Публичная библиотека](#).

Может быть, многим из читателей моих не понравится фанатический характер и буйные речи одного из действующих лиц сего романа, которое, под именем неизвестного, появляется в первой главе: в таком случае я покорнейше прошу их, не произнося решительного приговора, читать до конца мою повесть или, если это требование покажется им слишком нескромным, прочесть, по крайней мере, 7-ю главу второго тома.

Я не смею предполагать, чтобы кто-нибудь из моих читателей не знал отечественной истории, но, легко быть может, не всякий помнит, что говорят летописцы о Владимире, когда он был еще язычником; а посему не излишним полагаю приложить здесь, на всякий случай, две выписки: одну из "Истории государства Российского" Карамзина, а другую из "Житий святых", собранных знаменитым нашим чудотворцем и святителем Димитрием Ростовским.

"Быв в язычестве мстителем, свирепым, гнусным, сластолюбцем, воином кровожадным и, что всего ужаснее, братоубийцею, Владимир, наставленный в человеколюбивых правилах христианства, боялся уже проливать кровь своих злодеев и врагов отечества" (Истор<ия> госуд<арства> российск<ого>). Том I, стр. 231).

"И живяще он (Владимир) прескверно, в идолопоклонническом заблуждении сущи. О сем же житии Владимировом, бывшем в неведении Бога и в нечестии, о братоубийстве и кровопролитиях, о храбрости и многих бранях, о богослужительствах и женонеистовствах пишется пространно в летописце святого Нестора Печерского и в иных многих рукописных летописаниях Российских и в печатном Синописе Печерском" ("Жития святых", месяц июль).

Часть первая

I

Раскройте предо мной, картины времен давно прошедших: явись во всей красе своей, изгибаясь по крутым берегам привольного Днепра, древняя столица царства Русского - великий Киев, первопрестольный град! Бушуй, крутись, быстрый Днепр, и отражай в голубых волнах своих золотые верхи высоких теремов и гридниц двора *княжеского*; расстилайтесь по обширному Подолу киевскому [1], бархатные луга - любимое *разгулье* удалой дружины князя русского! Жадный взор мой стремится проникнуть сквозь седой туман веков, до тех отдаленных времен России, когда, не озаренная еще светом православия, она приносила кровавые жертвы своему Перуну [2]; когда в дремучих лесах ее перекликались лешие и раздавался хохот хитрых русалок; когда в бурные осенние ночи, на вершине Кучинской горы, собирались колдуны, оборотни и злые ведьмы или, купаясь в утреннем тумане, резвились меж собой вертлявые кикиморы, и грозный Бука [3], на сивом коне своем, носился по лесам и долам, преклонял высокий бор до сырой земли и притаптывал луга заповедные. Я хочу послушать песни вещих соловьев Владимира - вдохновенных баянов древности, хочу взглянуть на веселые хороводы русских дев, пляшущих под тенью дубов или при свете пылающих огней в праздник Купалы [4] - древнего божества дубрав и полей русских; хочу полюбоваться удалыми потехами и посмотреть на игрушки богатырские славянских витязей.

Пусть называют мой рассказ баснею: там, где безмолвствует история, где вымысел сливается с истиною, довольно одного предания для того, кто не ищет славы деписателя, а желает только забавлять русских рассказами о древнем их отечестве.

Давно уже свирепые печенеги [5] не дерзали приближаться к границам русским; покоренные ятвяги [6] смирились; мятежные радимичи [7], побитые на голову воеводою княжеским, прозванным Волчий Хвост, платили снова обычную дань, и от берегов Черного моря, называемого в то время Русским,